

Валентин УТКИН,
Ялта

ПРОЩАЛЬНОЕ

Вчера мы хоронили ветерана.
Он мог бы жить, как говорят, до ста.
Но вот пришла беда: былая рана
ему сомкнула намертво уста.
Текли минуты горечи и скорби.
И летний день был пасмурным слегка.
Две дочери стояли рядом. Обе
уже в годах —

не меньше сорока.

Темнели тускло
орденские планки,
нашитые на старое сукно.
На улице играли музыканты
Печали марш,

как им играть дано.

И вдруг (как будто мне такое право
лишь одному судьба в тот день дала!)
увидел я: над ним стояла Слава
в печали тяжкой, но челом

светла.

Ни возгласа, ни всхлипа и ни крика.
Лишь травит душу траурный мотив.
Она над нами возвышалась тихо,
вся в белом, руки на груди скрестив.
И в тишине, где места нет покою,
когда душа настроена всерьёз,
его судьба сошлась с моей судьбою.
Иное зренье сразу мне далось.
Что с ним случилось на веку когда-то,
всё оживало и жило во мне:
и мирный труд, и тяжкий путь солдата,
и память о немыслимой войне.
Во мне, во мне его зияла рана.
Манила жизни этой высота.
...Вчера мы хоронили ветерана.
А мог бы жить, как говорят, до ста.

АДЖИМУШКАЙ

Войди.
Остановись,
Запомни:
Аджимушкой.
Каменоломни.
Здесь боль.
Здесь смысл эпохи целой.
Подземный город.
Славы край.
Сырые штольни, камень серый.
Отечество! Аджимушкой!

НА БРАТСКОМ КЛАДБИЩЕ

На братском кладбище, на братском
Квадраты каменных могил.
Здесь наша боль. Здесь храм солдатский
прошедший век соорудил.

На серых плитах — даты, даты.
Тем датам нет и нет числа.
Здесь в тяжкий камень звёзды вмяты
сквозным свеченьем от чела.

И спит, за вечностью в погоне,
от нас навек отрешена,
сложив усталые ладони,
все помнящая тишина.

Здесь камни истинам не учат,
здесь каждый камень в землю вник.
Но ты придёшь и станешь лучше,
чем был до этого без них.

Сквозь тягу лет и дней круженье,
где память добрая светла,
звезды высокое свеченье
касайся моего чела!

...На братском кладбище, на братском
квадраты каменных могил.
Здесь наша боль. Здесь храм солдатский
прошедший век соорудил.

ГОД ПОСЛЕВОЕННЫЙ

Запомни: год послевоенный,
Глухой, голодный, нищий быт.
А на пороге немец пленный
С рукой протянутой стоит.

Худой и длинный, в брюках рваных,
Как будто вырванный из тьмы,
Обыкновенный иностранец
Стоит голодный, как и мы.

А в доме — люди, не сквалыги,
Ни грамма хлеба, горя — пуд.
Две ложки ржавой мамалыги
Ему на блюще подают.

Ликуй и царствуй мир спокойный!
Разгладь морщинки на челе.
А за порогом ждёт конвойный
С винтовкой старой на плече.

...В тот день добрей была планета.
Но был я голоден вдвойне.
И усмехнулся мне с портрета
Отец, убитый на войне.

